

Н.К. Semiankova
Vitebsk State University named after P.M. Masherov
e-mail: galina.semenkova@mail.ru

Unofficial names of water bodies on the territory of the Vitebsk region

Key words: onym, microtoponym, microtoponymy, semantics, swamp.

The article examines the semantics of unofficial names of marshes existing in the territory of the Vitebsk region (Republic of Belarus).

Names with possessive adjectives formed from proper names are described; names related to the characteristics of the soil and the specifics of the use of the territory; microtoponyms describing the peculiarity of the flora and fauna of swamps; names containing characteristics of the color of water, etc.

Previous observations indicate that the adjective devil is widely used in the unofficial microtoponymy of Vitebsk region in the names of not only swamps, but also other objects – bridges, stones.

Т.П. Слесарева
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: slestp@yandex.ru

УДК: 821.161.1-31.09

СЕМАНТИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ЭПИТЕТОВ-КОЛОРАТИВОВ В ПОВЕСТИ БОРИСА ВАСИЛЬЕВА «В СПИСКАХ НЕ ЗНАЧИЛСЯ» И ВАСИЛЯ БЫКОВА «ЖУРАЎЛІНЫ КРЫК»

Ключевые слова: эпитет, колоратив, цветовые ассоциации, символы, семантика цветообозначений.

В литературе слова-цветообозначения являются своеобразными символами, а каждый отдельно взятый колоратив занимает своё определённое место в цветовой картине художественного произведения.

Писатель, обращаясь к цвету, преследуют одну цель: с помощью слова, зрительного образа воздействовать на читателя.

В статье предпринята попытка рассмотреть семантику и функционирование прилагательных-колоративов через их сочетание с различными существительными в повести Б. Васильева «В списках не значился» и Василя Быкова «Жураўліны крык».

Цветопись является одним из неотъемлемых элементов идиостиля писателя, помогает авторам раскрывать идею произведения, создавать определенный эмоциональный настрой, рисовать образы героев. Кроме того, прилагательные-колоративы представляют собой семантическое поле, изучение которого вносит вклад в системный анализ лексики в целом.

Нам представляется актуальным обращение к языку военных повестей писателей-юбиляров 2024 года Бориса Васильева и Василя Быкова, поскольку изучение в сопоставительном аспекте цветowych эпитетов, использованных разноязычными писателями, способствует проникновению в их картину мира.

Тема войны отражалась в художественной литературе под разным углом зрения. Об этом нелёгком для всей страны времени писали не только в сороковые, но и в послевоенное время. С каждым годом менялись характеры персонажей, раскрывались новые подробности. Но всё же главная мысль остаётся неизменной и по сей день – только кровь русского воина вернула нам мирное небо над головой.

Живая память о беспримерном подвиге – книги советских писателей, например, Бориса Васильева и Василя Быкова.

Тема войны Васильеву была очень близка, он считал, что видит ее по-своему. Автор хорошо передал это в повести «В списках не значился». Это произведение основано на реальных событиях: Васильев проезжал мимо станции вокзала в Бресте и заметил женщину, которая стояла перед табличкой с надписью о неизвестном Николае. Он расспросил ее и узнал, что во времена войны был такой солдат, который пал героем.

Борис Васильев попытался поискать о нем что-либо в документах и архивах, но ничего не нашел. Потому что солдат в списках не значился. Тогда Васильев придумал ему историю и донес ее до нашего поколения.

Наш земляк – Василь Быков – участвовал в боях за Кривой Рог, Александрию, Знаменку. Воевал на Втором и Третьем Украинских фронтах, прошел по территории Румынии, Болгарии, Югославии, Австрии, дважды был ранен. Василь Быков прошел всю войну и закончил ее в Австрии. По окончании войны еще 10 лет оставался кадровым офицером.

Впервые произведения Василя Быкова были опубликованы в 1947 году, однако настоящая творческая биография начинается с повести «Жураўліны крык», написанной 1959 году.

Одним из средств выражения мысли автора, позволяющим проникнуть в психологию писателя, понять его эмоциональное состояние в момент написания произведения, является колоративная лексика.

Говоря о колористической наполненности повести Б. Васильева «В списках не значился» [4], необходимо отметить, что автор использует только 16 цветов: *черный* – 27 словоупотреблений, *темный* – 20, *белый* – 17, *красный* – 10, *светлый* – 4, *серо-зеленый* – 4, *серый* – 3, *желтый* – 2, *зеленый* – 2, *фиолетовый* – 2, *синий*, *голубоватый*, *цветной*, *оранжевый*, *розовый*, *бурый* – по 1 словоупотреблению. Все они сочетаются в тексте с разными именами существительными.

В повести белорусского писателя В. Быкова «Жураўліны крык» [3] нами было зафиксировано 91 словоупотребление прилагательных, обозначающих цвет. Палитра состоит из 22 цветов: *чорны* – 22, *зялёны* – 20, *белы* – 11,

шэры – 6, сіні – 4, чырвоны – 3 цёмны – 3, цьмяны – 3, пажоўклы – 2, жоўты – 2, шызы – 2, збялелы – 2, руды – 2 зрудзелы, крэмавы, сівы, светлы, мутны, рабы, залаты, счырванелы, счарнелы – по 1 словоупотреблению.

Цветобозначения реализуют в художественных произведениях как нейтрально-номинативную, так и экспрессивно-изобразительные функции.

Военные писатели тонко чувствуют эпоху и выражают колорит времени в своих произведениях.

Поэтому в обеих повестях можно выделить еще и лейтмотивную функцию. Так цветовые слова поля «*черный*» выполняют лейтмотивную функцию, повторяясь на протяжении всего произведения (по частоте употребления они занимают первую позицию в анализируемых произведениях).

Черный цвет имеет обширный и сложный диапазон символических значений: черный человек, черная кошка, черный дьявол, черные знамена пиратов вызывают страх как символ тьмы и тайны.

В более широком смысле *черный цвет* символизирует войну с ее ночными кошмарами бомбардировок, обугленными руинами домов и глубоким человеческим горем.

Черный также символ ночи, смерти, греха, пустоты. Он поглощает все другие цвета, выражает отрицание и отчаяние.

В повестях Б. Васильева и В. Быкова цветобозначение *черный* сочетается с разными существительными, реализуя следующие значения: «цвет, символизирующий смерть»: *черные провалы ведущих куда-то коридоров, добрался до черной дыры, в черный провал подвала, он ушел в черную глубину подвала, черная дыра автомата, густая черная мгла, лежал в черном мраке; выбух чорнай земляной хмарай накрыў пераезд-траншэю, людзей, старожку; і баец, адначыўшы, згінаўся ў чорную цеснату сховішча; «цвет, символизирующий горе, страдания»: был только липкий, черный, лишающий рассудка страх, черный от голода и бессонницы лейтенант, черные от голода и усталости люди; адразу чорным ценем азмрачаўся яго спачатку праяснелы настрой, пухлі з голаду дзеці і старыя, чорныя і маўклівыя ад гора.* Кроме того, в отдельных случаях прилагательное *черный* обозначает цвет: *черные лапсердаки, черный пиджак, в черных трусах, черный пакет, черная нитка; старая кніжка ў чорнай вокладцы, Фішар без патрэбы напраўляў акуляры ў чорнай металевай аправе, у шынялі з чорным аксамітным каўняром – или служит для описания внешности человека: черная прядь волос, черная девичья голова, густая черная борода; чорныя вочы.*

Близко по частоте словоупотребления к колоративу *черный* прилагательное-люксоним *темный*, которое также в романе выступает символом безысходности, несчастья, горя, печали: *темный коридор ворот, лестница была темной, медленно прорисовывались темные своды, темная глубина костела, двинулись к темным далеким развалинам, темные отсеки, темные подвалы, темный, мрачный, чадный каземат, темные ниши и норы;*

Аўсееў кінуў у цёмную яму лапату, недзе ў цёмнай глыбіні траншэі, на па-розе той цёмнай задымленай старожкі.

В повести «В списках не значился» употребляется данное цветообозначение и в других значениях: «невежественный, отсталый»: *Здесь, Коля, люди еще темные*; «такой, в котором трудно разобраться; неизвестный, неясный, смутный»: *но тут темное пятно двинулось на них из аллеяного сумрака; темные фигуры*; «по цвету близкий к черному, не светлый»: *темные хустки, темная голова, глубокие темные глаза, темный плащ.*

В повести «Жураўліны крык» встречаются такие прилагательные, как «мутны» (*маячылі ў мутным небе бярозы*) и «цьмяны» (*цьмяныя намёкі; Аўсееў стаў бачыць цьмяную лінію чыгункі; неўзабаве з туману цьмянымі постацямі выніклі стрэхі хацінак*).

Цветовое прилагательное «белый», благодаря богатству переносных и символических значений, активно используется в художественной литературе.

Белый цвет способен передавать противоречивые человеческие представления о жизни и смерти. Подтверждение этому находим в различных религиях, литературе. В религии – это символ невинности, чистоты, святости, целомудренности. Он ассоциируется с дневным светом. По мнению психологов, белый – это *tabula rasa*, чистый лист, разрешение проблем и новое начало, новая страница жизни.

Все нюансы семантики прилагательного «белый» - номинативные, метафорические и символические – нашли отражение в тексте обеих повестей.

Так цветообозначение «белый» используется в сочетании с существительными, обозначающими предметы одежды: *белые рубахи, молодая была в белом лифчике, белая косынка, в белом платье; надзела свае белыя туфлі.*

В повести В. Быкова отмечаем также употребление эпитета *белый* в составе фразеологизма, обозначающего человека, очень отличающегося от своей социальной группы (*Апынуўшыся ў войску, Фішар адчуў сябе белаі варонай*), и фразеологизма *белы свет: ад лютай ненавісці да ўсяго белага свету; не звязаны ўжо ні з кім ва ўсім белым свеце; свет белы праклянеш*, а также в сочетании с существительными, служащими для описания внешних данных человека: *Аўсееў ашчаперыў калені белымі пальцамі і сядзеў так; Свіст, выскаляў белыя зубы; Свіст, міргануўшы белымі вейкамі, хітравата паглядзеў на яго.*

В сочетании со словом «пламя» в повести Б. Васильева, прилагательное *белый* реализует свое значение «сияющий»: *ярко полыхнуло белое пламя.*

А для Белоруссии, на территории которой разворачивается действие романа, эпитет *белый* наполнен особым смыслом. *Белый аист* – самый известный из аистов. Это белая птица с черными концами крыльев, длинной шеей, длинным тонким красным клювом и длинными красноватыми ногами является символом Беларуси. Развернув свои большие

крылья, летают аисты над полями и лугами, озерами и реками, над крышами домов нашей Родины. У белорусов есть поверье: тот, у кого на крыше поселился аист, будет счастлив.

То, что птица возвращается к своему старому гнезду, каждый год, перестраивая и увеличивая его в размере, породили традицию считать аиста духом-покровителем дома, приносящим обитателям лад и процветание. Если птицы покидали гнездо, это считалось приметой скорых неблагоприятных событий. Птица живёт в паре и разделяет хлопоты по заботе о птенцах. Отсюда, аист – символ верности, преданности и родительской любви. Аист, поглощающий болотную «нечисть», также стал символом победы добра над злом.

В тексте повести «В списках не значился» сочетание *белые, белые аисты* нами зафиксировано 4 раза.

Никакой другой цвет не отражает в своей символике такие сильные противоречия, как *красный*. Красный цвет был особенно популярен с древности. Считается, что он легко узнается и выделяется людьми из-за своей яркости, насыщенности. Это очень эмоциональный и символический цвет, возможно, поэтому во многих языках для обозначения красного цвета и его оттенков имеется большое количество лексем, как, например, в русском.

По частоте словоупотреблений прилагательное *красный* в повести Б.Васильева занимает третье место и используется как в прямом, так и в переносном значениях.

Прежде всего *красный цвет* ассоциируется с кровью и огнем, с войной.

Красный цвет издревле связывается с агрессивностью. Однако в романе Бориса Васильева слово *красный* употребляется в значении цвета: *красная повязка, красная папка, скатерка красная, с красным замерзшим носом, красные от кирпичной пыли полосы*.

И только в словосочетании *Красная Армия* (25 словоупотреблений) прилагательное реализует свое переносное значение.

В повести В. Быкова колоратив *чырвоны*, сочетаясь с существительными *армія, сцяг, партызан*, также употребляется только в переносном значении: *Яшка неўзабаве пайшоў на службу ў Чырвоную Армію; два ордэны Чырвонага Сцяга; аднарукі чырвоны партызан Шорац*.

Среди оттенков красного цвета в повести «В списках не значился» нами выделены два: *розовый* (*выступала розовая пена на губах*) и *бурый* (*шинель с бурым пятном засохшей крови на спине*).

Желтый цвет, ближайший к солнцу, в своей высшей чистоте всегда обладает светлой природой и отличается веселостью и мягкой прелестью. С одной стороны, желтые тона разделяют символику солнца, с другой стороны, желтый ассоциируется с желтой кожей, а значит, с болезнью, страхом.

В повести «В списках не значился» это прилагательное встретилось в сочетании с существительными «дым» и «свет»: *желтый удушливый дым пополз в отдушины; желтый чадный свет; густой желтый свет*.

А в повести «Жураўліны крык» – «вада» и «рамяны»: *старыя кар’еры з шырокімі лужынамі жоўтай вады; у жоўтых рамянах.*

Кроме того, в белорусской повести встретились следующие оттенки этого цвета: *пажоўклы, залаты, крэмавы: траслі пажоўклым лісцем дзве вялізныя каржакаватыя бярозы; лічбы на крэмавым цыферблаце; у фуражцы з залатым крабам.* А также прилагательное *руды* в сочетании с существительными «пальчатка» и «гліна»: *Пианічны ледзь не па самыя плечы закапаўся ў рудую кучу гліны; нацягваючы на жылістую руку рудую скураную пальчатку.*

Серый цвет – это цвет, граничащий с черным и белым цветами (цветами траура в различных культурах). Если обратиться к словарю символов, то можно обнаружить, что этот цвет символизирует отречение, смирение, меланхолию, безразличие, обозначает бесцветность. Это цвет праха, поэтому ассоциируется со смертью и трауром. На древнем Востоке посыпали голову пеплом в знак скорби. В древней русской литературе и фольклоре серый и сизый – эпитеты хищных животных или птиц («серый волк», «сизый орел»); на эти цвета как бы переходит антипатия, питаемая людьми к этим животным.

Кроме того, в древние времена *серый* считался цветом обычных людей, простолюдинов. Он был символом убогости (сермяга). Серый цвет соединяет в себе противоположные качества черного и белого, вызывает сонливость, скуку, при этом способен создать ощущение грязи, чего-то нечистого.

В тексте повести Б. Васильева колоратив *серый* зафиксирован 3 раза: *серые фигуры; небо вновь затянуло серыми, осенними тучами; клочок серого неба.*

Встречается *серый* также как составной элемент сложного прилагательного *серо-зеленый*: *серо-зеленые фигуры бежали к костелу; на изрытом взрывами дворе валялись серо-зеленые фигуры; серо-зеленый мундир; серо-зеленые бушлаты охранников.*

В повести В. Быкова серый цвет выступает символом безысходности, печали: *у шэрай засмужанай высі; у шэрую далеч; па шэрай сівізне ржышча; шэрыя космы туману; над шэрым восеньскім полем.* Один раз мы зафиксировали употребление в тексте слова «шызыя»: *напаўзлі шызыя змрочныя хмары.*

По мнению психологов, *фиолетовый* – цвет опасный. Он давит на психику, вызывает апатию. Но в повести «В списках не значился» мы «видим» *фиолетовый свет ракет; фиолетовый отблеск ракет.*

Колоративы, зафиксированные нами в повести Б. Васильева по одному разу, в сочетании с существительными реализуют свое основное значение – цветовое: *сидел парнишка в синей майке; зеленые петлички пограничников.*

В повести «Жураўліны крык» они несколько расширяют свое значение.

Так прилагательное «зеленый» в сочетании с существительными «дзіця» и «невук» реализует свое переносное значение «неопытный вследствие молодости»: *Глечык – зусім дзіця зялёнае; Прафан ты ў гэтых справах. Невук зялёны.*

3 раза зафиксировано нами данное прилагательное в составе имени собственного *Зялёны востраў* и 17 – в составе любимой присказки Витьки Свиста *ярына зялёная* (ярына – «яровой хлеб») (*– Эх, ярына зялёная, думаю, калі і дзіўлюся, як гэта бязладна чалавек зроблен, – разважна казаў Віцька Свист, калунаючы трэскай у прыску*).

Колоратив «синий» выступает в повести В. Быкова в прямом значении и служит для обозначения цвета/света: *вялікія чысцюткія сінія вочы; сіняватая іскрынка; сінявата-празрыстыя агеньчыкі.*

В повести «Жураўліны крык» встретилось прилагательное «рабы» («рябой», «пестрый»): *І наставілі два гэтка ж рабыя шлагбаумы*, реализующее свое прямое значение.

Очень часто слово «война» ассоциируется со словом «огонь», а в военном деле под «огнём» понимается стрельба из огнестрельного оружия (пулями или другими снарядами). Собственный цвет огня зависит от горящего материала и чистоты топлива. Вот и в повести Б. Васильева мы читаем: *«Полоснуло голубоватое пламя»; «Коля видел оранжевые сполохи пожаров»; «Бежал навстречу цветным пулеметным нитям».*

А еще есть *Вечный огонь* – постоянно горящий огонь, символизирующий вечную память о чём-либо или о ком-либо.

Благодаря истинному таланту Бориса Васильева и Василя Быкова читатель успел пережить весь бой и все потери, одну за одной, испытал беспощадность и тоску смерти. Но читатель может уйти в свое, мирное время, к своим делам, заботам, радостям. Оставив на том одиноком переезде с обломком шлагбаума бойца – чуть не мальчика – или на девять месяцев одинокого защитника Брестской крепости. Оставив их умирать вместе себя, за себя. Ведь время необратимо.

Таким образом, мы видим, что семантика цветообозначений у Бориса Васильева и Василя Быкова многопланова, глубинна, символична и выразительна. Реализуя эмоциональную функцию, цветовые эпитеты способствуют выражению авторского настроения, авторской эмоциональной оценки предмета или явления. Эмоциональные эпитеты помогают художникам посредством цветописи воздействовать на читателя, создавать определенное настроение. Выполняя смысловую функцию, цветовые эпитеты наполняют произведения глубинным содержанием, дополнительным смыслом. Кроме того, цветовые слова выполняют коммуникативную функцию: определенная информация, передаваемая писателями, воспринимается читателем благодаря известным всем цветовым ассоциациям, символам.

Литература

1. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М., 2004.
2. Бахилина, Н.Б. История цветообозначений в русском языке / Н.Б. Бахилина. – М., 1975.
3. Быкаў, В. Выбраныя творы ў двух тамах. Том 1. Аповесці / В. Быкаў. – Мінск: Маст. Літ., 1974. – 498 с.
4. Васильев, Б.Л. А зори здесь тихие...; Не стреляйте в белых лебедях; В списках не значился / Б.Л. Васильев. – М.: Правда, 1978. – 496 с.
5. Лазарев, Л. Василь Быков. Очерк творчества / Л. Лазарев. – М., 1979. – 429 с.
6. Маслова, В.А. Филологический анализ поэтического текста / В.А. Маслова. – Мінск: Вышэйшая школа, 1997. – 220 с.
7. Щерба Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Язык. Система и языковая деятельность. – Л., 1975. – С. 30 – 38.
8. Яньшин, П.В. Психосемантика цвета / П.В. Яньшин. – М., 2006.

T.P. Slesareva

Vitebsk State University named after P.M. Masherov

e-mail: slestp@yandex.ru

Semantic-functional aspect of colorative epithets in Boris Vasiliev's story "Not on the Lists" and Vasily Bykov "Cranes' wings"

Key words: the epithet, coloratura vocabulary, color associations, symbols, semantics of color words.

In the literature the words vetoablechange are original characters, and every single colorative has its definite place in the color painting art works.

The article attempts to consider the semantics and functioning of colorative adjectives through their combination with various nouns in the novel B. Vasiliev "The lists are not included" and Vasil Bykov "Crane Cry".

С.Р. Смирнов

Иркутский государственный университет

e-mail: ssrisu@yandex.ru

УДК 821.161.1(092)

КОНЦЕПТ «СОВДЕТСТВО» В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ТРИЛОГИИ ЮРИЯ ПОЛЯКОВА

Ключевые слова: Юрий Поляков; автобиографическая проза; психология подростка; пионерское детство; историко-культурный код.

В статье анализируются особенности автобиографической трилогии Ю. Полякова о «светлом прошлом» под общим названием «Совдетство». Рассматриваются особенности языка и стиля произведения в контексте всего творчества «последнего советского писателя». Особое внимание уделено историко-культурному коду писателя, традициям классической литературы о детстве, познавательному и воспитательному началу книги.

Автобиографическая книга Ю. Полякова о «светлом прошлом» [3; 4; 5] имеет довольно разветвленную структуру. В нее входят первая